

Юлия Вереск

ВСЕГО ХОРОШЕГО

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

В31

ВСЕГО ХОРОШЕГО

Юлия Вереск

Книга издана с согласия автора

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя

Вереск, Юлия.

В31 Всего хорошего : [роман] / Юлия Вереск. — Москва : Popcorn Books, Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-907696-96-9

Женя поступила в университет и уехала учиться, оставив позади все проблемы. Она пыталась забыть о прошлом, но спустя год, вернувшись домой на летние каникулы, вновь столкнулась с ним. Ей придется разобраться в себе, примириться со смертью любимой бабушки и наконец решиться на разговор с бывшим лучшим другом.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

© Юлия Вереск, 2024

© Издание, оформление.

ООО «Издательство Эксмо», 2025

Popcorn Books®

© Adams Carvalho,

иллюстрация на обложке, 2024

ISBN 978-5-907696-96-9

*Посвящается любимым бабушкам,
ушедшим из мира, но оставшимся в моем сердце.
Дружбам, когда-то прекратившимся, но не забытым.
И всем детям, давно выросшим,
но все еще живущим в нас*

ГЛАВА 1

ВРЕМЯ ПЕРЕДЫШКИ

У зданий, современных высоток и старых хрущевок, тоже, как и у людей, есть сердца, дающие импульс к жизни и делающие их особенными. У каждого оно свое — порой совсем непримечательное или даже отталкивающее на первый взгляд. Темные подсобки с изрисованными дверьми, хранящие в себе воспоминания — давно забытые игрушки, велосипеды, коляски и детскую одежду. Облупленные подоконники с осыпающимися на них листьями растений, которые туда выставляют жители, потому что больше в них не нуждаются. Желтые, с иссушенными и искривившимися стеблями, они становятся свидетелями первых поцелуев и расставаний. Или стертые сотнями каблуков бетонные ступени — однажды в детстве Женя увидела, как несколько мужчин спускали по лестнице гроб с пожилой женщиной. В молодости кожа той наверняка была светлой и чистой, но годы разрисовали ее темно-коричневыми пятнами на висках и шее. Этот образ поразил Женю: когда-то женщина, ворчливая соседка с четвертого этажа, сама ходила

по ступенькам, и звук легких шагов наполнял подъезд. Теперь же женщину несли в гробу, и звук шагов все еще разносился по лестничным клеткам — но уже не принадлежал ей. Только разбросанные еловые лапы напоминали об умершей жительнице дома. «Не наступай на них, — приговаривала бабушка, держа Женю за руку. — Плохая примета». И Женя перепрыгивала их, превращая это в игру, хоть и догадывалась, что они, ароматные и колючие, выражали огромное горе, которое еще не было способно уместить в себе маленькое детское сердце.

Люди недооценивают подъезды. Они провожают своих жильцов в последний путь и встречают новых, когда мамы впервые заносят в них младенцев, которые вырастут здесь и еще не раз пройдутся по ступеням. Подъезды — это первое, что все видят, когда заходят внутрь дома или выходят из квартиры. Они согревают зимой и дают прохладу летом. Там появляются объявления, ломаются почтовые ящики и наполняются окурками стеклянные банки на подоконниках. Там рождается жизнь.

Женя не сразу нашла сердце своего нового дома.

Чуть дальше вахтерской будки, расположенной у турникетов, где были заточены женщины — хранительницы недовольных взглядов и ключей от всех дверей, находилось сердце общаги, прямо в темном закутке под лестницей. Оно мирило между собой два враждующих мира — мир взрослых, создающих длинные списки правил, и мир студентов, желающих нарушить придуманные ими правила. На кафеле, словно подношения божествам, стояли цветные пластмассовые миски с водой и кормом. К ним прилагались игрушки из искусственных перьев и несколько скромных лежанок, созданных все теми же женщинами-

хранительницами. На одно из главных правил — никаких животных в общежитии — закрывали глаза и взрослые, и студенты. Прикормленные вахтершами кошки зимовали под крышей вместе с семьями студентами, многие из которых чувствовали себя такими же бездомными и потерянными. Особенно первокурсники. Особенно Женя. Год назад она стремилась сбежать, но еще не знала, каково это — вырваться из семьи и оказаться одной в незнакомом городе. Уже при заселении она поняла, что коммуне, Татьяне Юрьевне, совершенно все равно, кто такая Женя Котикова, главное, чтобы она вела себя тихо, не приносила алкоголь в общежитие и возвращалась до двенадцати.

Больше всего Женя любила Лу́ну — серую упитанную кошку, которая, сворачиваясь в клубок, становилась похожа на круглый диск луны с темными пятнышками. Она вела себя грациозно и сдержанно, не бегала по коридорам, а ложилась у ковриков перед дверьми и дожидалась, пока ее не впустят. Также под лестницей обитали рыжий Багет с белой кисточкой на хвосте и черная Эсмеральда. У студентов даже появилась примета: если, идя на экзамен, ты встретишь Эсмеральду — готовься к пересдаче, если на твоем пути возникнет Багет (желательно почесать его за ушком на удачу) — можно не переживать за оценки. Женя считала себя далекой от мистики, но, натываясь взглядом на Багета, хотела хотя бы немного верить, что это хороший знак. Женя нуждалась в хороших знаках.

За год жизни в общежитии она привыкла таскать в рюкзаке пакетик влажного корма. Прежде чем подняться по щербатым ступенькам к себе в комнату, она присаживалась у мисок и надрывала верхний край пакетика — это всегда срабатывало одинаково. Кошки, все время чуть-чуть

голодные и недоглаженные, сбегались на звук и заворожено смотрели на Женины руки, словно из них исходил божественный свет. Женя даже немного чувствовала себя Белоснежкой.

Луна не раз оказывалась в эпицентре неловких семейных разговоров и стойко выдерживала их, в отличие от Жени, которая всегда отвечала на звонки мамы с легким волнением:

— Мам, я же говорю, все нормально, мне не скучно.

— Ты хорошо питаешься?

Женя бросила взгляд на заваренный доширак, в который порезала сосиску, и понизила голос:

— Не все студенты голодают. Забудь про этот миф.

Соседка по комнате, Кристина, наострив уши, красила ногти на ногах красным лаком, а Луна вылизывала хвост, лежа на ковре в центре комнаты. Обе приводили себя в порядок, явно готовясь к интересному вечеру.

Женина мама, скорее всего, сейчас представляла, как ее дочь побирается по помойкам и теряет по килограмму в минуту. Яркая картинка.

— А я такой пирог испекла, недавно новый рецепт нашла. Вене понравился. Нужны яйца, сахар, сливочное масло, сметана...

— Мам.

— Что?

Мама любила засыпать ее множеством деталей, рассказывать про коллег, которых Женя не знала, обсуждать родственников и повторяться — что угодно, лишь бы не давать тишине прорасти между ними.

— Не то чтобы ты любила готовить...

— Почему бы не порадовать любимого мужа?

— А он тебя радует?

Молчание. Женя вздохнула и провела ногтем по пальцу, где должна была быть светлая полоска, которая уже практически сравнялась с тоном кожи, — там сверкало серебряное кольцо, пока она его не потеряла. Женя подцепила вилкой кружок сосиски, сунула его в рот и тут же замахала рукой на приоткрытые губы — слишком горячо. От заваренного доширака исходил пар.

— Извини, просто я... У меня много работы.

Возможно, Женя была не совсем справедлива по отношению к Вениамину: порой она придиралась к нему и дотошно выискивала его недостатки. Она переживала за маму, потому что хотела, чтобы та была счастлива. Если Женин отец — мудака, избегающий любых обязательств, наверное, это не значит, что все вокруг такие же. Женя и сама не до конца понимала, верила ли в эту мысль: мужчины в ее жизни чаще всего не приносили ничего хорошего. Мама, наверное, воспринимала нападки Жени как ревность, но это было не так. Она выросла и перестала дергать маму за юбку в попытке привлечь внимание.

Женя прижимала телефон ухом к плечу и глядела в открытый ноутбук: из-за разговора она не могла сосредоточиться на тексте, а из-за работы — на разговоре. Женя пыталась придумать гороскоп на день для овнов. Что их ждет? Неожиданное денежное вознаграждение или таинственный незнакомец, который в будущем окажется их судьбой? Женя не астролог, она — копирайтер.

— Ничего, я понимаю, но... Может быть, ты...

Несколько прядей светло-рыжих волос, выбившихся из-под крабика, щекотали шею сзади.

— Как думаешь, это лето будет жарким? А то я не взяла купальник из дома.

Кристина поглядывала на Женю. Баночка красного лака уже стояла на тумбочке. Луна тем временем переключилась на живот — звуки вылизывания отвлекали Женю. Мир был против этого разговора, но он все равно почему-то происходил.

— Думаю, что да. Ты точно не хочешь отдохнуть после сессии? Все-таки первый год учебы.

— Мам, все нормально. Мне нравится учиться. И работать тоже... К тому же, пока учеба закончилась, мне наконец ничего не мешает работать.

Женя накрутила на вилку лапшу и, передумав, оставила ее в контейнере. Луна, учуяв запах, заинтересовалась и легла мордочкой по направлению к Жениной кровати, сверкнув зелеными глазами. Женя сказала ей одними губами: «Тебе такое нельзя». Ей, собственно, тоже нежелательно, но иногда потребность напичкать свой организм любимыми гадостями, чтобы получить быстрый выброс эндорфина, становилась непреодолимой. На тумбочке в бумажном пакете, покрывшемся жирными пятнами, лежал клубничный пончик. Распитие кофе она превращала в особый ритуал и ждала его каждый день. В него входил обязательный просмотр видео на ютубе, тщательно отобранного для этого. Важная пометка: не начинать есть, пока не включишь видео, и постараться не съесть все за первые пять минут. Наверное, у нее были не совсем здоровые отношения с едой...

— Ты же работаешь удаленно... И не забывай, что в первую очередь ты должна думать об учебе и только потом — о работе. Успеешь еще наработать за жизнь.

Мама упорно клонила разговор в нужную ей сторону. Женя упорно этого не замечала. Она коснулась пальцами колечка, вплетенного в тонкую косичку у лица, и поправи-

ла складку на длинной футболке, надпись на которой гласила: Laziness is my secret superpower*.

— Здесь мне легче сосредоточиться.

«Скоро Кристина уедет домой, и тогда я смогу по-настоящему расслабиться», — хотела добавить она, но только взглянула на Кристину, и та неодобрительно покачала головой. «Кого ты обманываешь?» — сообщала она невербально. Общага — это последнее место на Земле, где можно было сосредоточиться. За год Женя пережила посвящение в студенты, вечные разговоры Кристины по телефону, проверки комнаты от коменды, ссору с сумасшедшим завхозом, музыку в три часа ночи и даже клопов в ее кровати, которых удалось победить. Хуже клопов оказались только Кристинины шутки про них: это единственные живые существа, согласившиеся побывать в Жениной кровати. А побывав там, погибли.

— Но ведь лето же... Мы бы хотели...

Луна муркнула, перевернулась животом кверху, а потом побежала к двери — выпустите меня, пожалуйста. Женя посмотрела на Кристину, и та указала взглядом на накрашенные ногти на ногах. Подавив волну раздражения, которая поднималась в груди, Женя отложила ноутбук, оставив оновов без таинственных незнакомцев, и выпустила Луну.

— Мам. Я тоже соскучилась, просто... Это мое первое студенческое лето. Могу я немного оторваться?

Женя походила по комнате, перекладывая вещи с места на место: почему-то захотелось сбросить с себя кожу, высвободиться из тела и, как Луна, убежать из комнаты. Возможность вернуться домой тревожила. Женя все еще предпочитала избегать того, что осталось в родном горо-

* Лень — это моя скрытая суперсила.

де, хотя оно всяческими способами пыталось догнать ее и вырвать из безопасного вакуума — обернись и посмотри, что происходит, трусиха.

— Ну как хочешь, — нехотя согласилась мама, хотя Женя считала это тактическим отступлением. — Кстати, чуть не забыла, Сава уже приехал. Вчера случайно встретила его в магазине.

Без предупреждения — сразу контрольный в голову. Женя остановилась, вновь взглянула на Кристину и быстро отвернулась к стене, стараясь зафиксировать мысли на корешках книг, стоявших на полке. Маркус Зусак, Габриэль Гарсиа Маркес, Вирджиния Вулф... Мысли не домашние собачки в ошейниках, и их не приструнишь, дернув за поводок. В ее голове среди известных имен появилось одно лишнее — Савелий Оматов.

Женя прикусила внутреннюю сторону щеки и опустила руку с телефоном. Вдох-выдох. В груди будто зашевелились паучьи лапки, посылая мурашки по позвоночнику к затылку. Щеки запылали.

— ...сказал, что ему нравится учиться. Ну ты, наверное, в курсе, — услышала Женя, когда вновь поднесла телефон к уху. — Такой смысленый мальчик.

— Мама, ты как будто про щенка говоришь.

Женя постучала костяшками пальцев по бедру.

— Ну ты же понимаешь, о чем я. Мне кажется, он будет рад тебя видеть. Разве Сава не говорил тебе, что приедет?

— Говорил. — Женя сильнее прикусила щеку, подошла к окну и открыла форточку. Тюль тут же запузырился. — Мы редко общаемся, пары, учеба и все такое. Сава тоже занят. Вот так и получается.

Женя прикрыла глаза и сделала глубокий вдох: несмотря на середину июня, погода позволяла дышать прохлад-

ным воздухом, особенно по вечерам. Жара в городе, среди асфальта и кирпичных стен, обычно ощущалась тяжело. В родном городе Женя могла выйти из бабушкиного дома и почти сразу оказаться у озера. Похоже, она все-таки скупчалась по любимой Озерной улице. Или по тому, что делало ее любимой. Женя, перестав слушать маму, самоустранилась из разговора — посмотрела на отклеившийся уголок обоев под потолком и подумала, что во время каникул как раз можно заняться ремонтом и немного облагородить их комнату. Мысленно она составила список продуктов для покупки и решила, что вечером приготовит омлет. Голос мамы зазвучал громче, словно ему прибавили громкость кнопкой пульта:

— Знаешь, за год Сава так изменился... Вырос, что ли. А еще я передала ему от тебя привет.

— Супер. — Ненастоящая улыбка приклеилась к губам. — Мам, мне пора, правда. Созвонимся завтра, ладно? Люблю, целую.

— И я тебя. Звони почаще. И еще... — Женя услышала шуршание, словно мама разворачивала конфету. — Я вообще чего звонила-то. Понимаю, что это для тебя непросто, но ты же помнишь, что скоро будет годовщина?

У мамы и бабушки были довольно натянутые отношения. Острые углы они маскировали подчеркнуто вежливо-нейтральными улыбками и фальшивой любезностью, в которую никто не верил, но они все равно продолжали играть. Мама обижалась на бабушку за то, что та во время конфликтов вставала на сторону своего сына, а бабушка, похоже, обижалась на маму за то, что та не сумела сберечь их семью. А Женя любила их обеих — каждую по-своему.

Вот почему Женя все реже созванивалась с мамой: любой разговор заканчивался мамиными попытками уговорить ее приехать домой на выходные, на праздники или, как сейчас, на лето и поиском отмазок, которых становилось все меньше.

— Помню. Ладно, пока.

Женя сбросила звонок. Она никак не могла забыть, хоть и хотела, потому что видела тот день, после которого — неужели так быстро? — прошел почти год, в кошмарах. Она запомнила все до мельчайших деталей, но только не лицо бабушки — память стерла его и заполнила другими воспоминаниями. Как Женя могла верить кому-то, если собственный мозг обманывал ее? В кошмарах бабушкино лицо было смазано, как на нечетких фотографиях. Женя отказывалась принимать реальность, в которой не существовало бабушки: в детстве она была убеждена, что все бабушки живут вечно.

Кристина давно перестала любоваться ногтями и с любопытством глядела на Женю, склонив голову набок. Длинные каштановые волосы блестели, как в рекламе шампуня Pantene. А ее светлая кожа наверняка была гладкой и бархатистой как в рекламе геля для душа Palmolive. Кристина точно сбежала из телика, чтобы раздражать Женю своей идеальностью. Она не раз слышала, как Кристина пела в кабинке душа: общая душевая в общежитии лишала их последнего личного пространства. Кристина до сих пор припоминала Жене, что она, заселившись в комнату и познакомившись с ней, сделала презентацию и показала ее Кристине — на слайдах были предложения о том, как им лучше организовать комфортный совместный быт: кто и когда выносит мусор, убирается в комнате и не посягает на и так крошечное личное пространство другого. Кри-

стина старалась не смеяться и подыгрывала Жене, которая с видом училки объясняла ей по презентации с котиками, как они могут существовать вместе. В целом у них неплохо получалось.

— Никогда не слышала о Саве. Как мы к нему относимся? И кто это? Наш старый любовный интерес? Злейший враг? Мимолетный романчик?

Женя кинула телефон на кровать и молча закрыла форточку, хотя хотелось кричать в подушку.

— Кстати. Устроим сегодня марафон «Сумерек»?

Внезапный вопрос сбил Женю с толку. Она вопросительно посмотрела на Кристину — потревоженная мамой боль успокаивалась, отыскивая себе укромный уголок где-то в Женином теле, чтобы вернуться вновь, когда ее позовут. Женя жила с ней все время: иногда она становилась почти незаметной, но никогда не пропадала полностью.

— «Сумерки»? Но сейчас же не осень.

— Ну и что? Есть какие-то особые графики просмотра фильмов?

— Ты нарушаешь законы мироздания. — Мимолетная улыбка появилась на губах Жени. — Один из них — пересматривать «Сумерки» осенью.

— Ну так что? Я сделаю кофе?

Женя бросила взгляд на пончик и кивнула. От кофе не отказываются — тот находился в копилке ее зависимостей чуть ли не с детства. Благодаря бабушке. Сначала она пила растворимый с тремя ложками сахара в огромной кружке, которая едва помещалась в детских ладонях (маме знать об этом было необязательно), потом перешла на молотый с банановым молоком.

— И хорошо, что ты закрыла форточку. Не хочу, чтобы Эдвард Каллен оказался в нашей комнате.

— Поверь, наша коменда этого бы не допустила.

— Ему придется получить пропуск. К тому же я в команде Карлайла.

Они рассмеялись. Женя приложила ладонь к груди — боль снова притихла и дала ей передышку.

ГЛАВА 2

МЫСЛИ ОБО ВСЕМ И НИ О ЧЕМ

Мысли. Мысли. Мысли. Они были повсюду. Иногда разлетались, как воробьи, напуганные непоседливым ребенком, иногда прилипали, как водоросли к коже на мели озера в цветущей мутной воде. Женя медленно переставляла ноги, словно они вязли в тине сомнений, которые уже не помещались внутри нее.

Как же трудно жить, когда к людям при рождении не прилагаются инструкции, будто к технике: на какую кнопку нажать и что делать, чтобы ничего не сломалось. Хотя, скорее всего, если бы такие инструкции существовали, их бы все равно никто не читал.

Недавний разговор с мамой снова поселил в Жене мысль, от которой она пыталась безуспешно избавиться. Выяснилось, что проще вытравить тараканов из общаги, которых все мило называли стасиками, чем Саву из ее головы.

Первое правило Жени Котиковой: не думать о Савелии Омутове.

Второе правило Жени Котиковой: совсем не думать о Савелии Омутове.

Женя нагрозила себя работой, а в свободное время пропадала в сериалах и подкастах — чужие драмы уменьшали собственную. Ей нравилось составлять распорядок дня и списки дел: такие бытовые мелочи позволяли заземлиться и почувствовать контроль хоть над чем-то. Если она распланировала завтракать в девять утра, значит, она будет завтракать ровно в девять утра, и ничто, ни одна самая блестящая мысль, ее не остановит. Выполненные дела она отмечала галочками в заметках телефона, которые создавала чуть ли не каждый день, забывая память устройства, и рост галочек в оранжевых кружочках прямоком соотносился с ростом ее настроения.

Июнь уже не чувствовался таким свободным, как раньше: половину месяца Женя потратила на закрытие сессии, слоняясь по коридорам с тетрадками и учебниками. На указательном пальце до сих пор немного болела мозоль — одна из преподавательниц принимала контрольные только в письменном виде, и вечерами под разговоры Кристины она садилась на неудобную деревянную табуретку, раскладывала тетради на столе и постигала современный русский язык.

Женя гуляла по бульвару, держа в руке шуршащий крафтовый пакет с двумя апельсиновыми круассанами — оба для нее. Кристина предпочитала придерживаться здорового питания (плюс один к раздражающим факторам). Она успела поработать в кафе и выпить три чашки латте — теперь ее организм наполовину должен был состоять из молочной пенки, молока и эспрессо. В наушниках звучала песня *Wildest Dreams* — проводки белыми